

Стальная Жар-птица смерти

Первые годы XX столетия

и по праву называли Серебряным веком. Но грянула война...

Окончился XIX век. Европа благоденствовала в пространстве мира, длящегося уже несколько десятилетий. Начинало казаться, что войн больше не будет никогда и человечество наконец-то обрело рассудительность и разум. Отдельные вспышки милитаризма (Русско-японская и Англо-бурская войны) происходили так далеко от «цивилизованного мира», что казались событиями на другой планете. Была создана Лига наций: можно было надеяться, что теперь будет проще решать конфликты. В жизнь человечества активно внедрялись приятные изобретения от граммофона до двигателя внутреннего сгорания, облегчавшие жизнь и украшавшие быт. Самолеты поднимали в воздух всех желающих. Человек наконец-то уверенно покорил третье измерение. Искусство цвело ярким и чарующим цветом: множество замечательных литераторов, композиторов и художников знаменовали эпоху своим творчеством. Обилие великих имен дало впоследствии основание назвать начало XX столетия в России **Серебряным веком**. Но не только в России во всей Европе мастера искусств рождались с такой частотой и творили с такой интенсивностью, что, глядя из нашего времени, нельзя не поразиться числу безусловных гениев, чей дар проверен миновавшим столетием.

В Европе царил идилия. Но какой же зыбкой она была! Иллюзия идилии рухнула в одну минуту, в тот момент, когда туберкулезный сербский студент-терминатор Гаврила Принцип вырвал всего лишь одно перо из хвоста этой жар-птицы... Счастливая Аркадия распалась, как плохо заштопанный сюртук. Война, как оказалось впоследствии, мировая; и, как выяснилось еще немного позднее, Первая мировая, была подобна извержению вулкана. Но последний день новой Помпеи был замечен не сразу.

Европа не воевала слишком давно. Патриотические настроения быстро обернулись ксенофобией шовинизмом обывателей. В обиходе общества появились национальные богатыри, забрасывающие шапками окопы неприятеля (в России возник казак Козьма Крючков, нанизывающий на пикку добрый десяток немцев); поэты грез и мимоз пели милитаристские гимны: «*И я, ваш нежный, ваш единственный, Сам поведу вас на Берлин!*», писал в те дни Игорь Северянин.

Ура-патриотические лозунги превалировали на страницах прессы. Но полный и окончательный разгром врага никак не получался. Затянулась изнурительная позиционная война, дававшая возможность задуматься о многом...

Эта война отличалась от всех предыдущих. Оружие, изобретаемое и совершенствуемое в течение нескольких десятилетий военного бездействия, наконец-то нашло себе применение. Европа стала полигоном для новых орудий убийства, по сравнению с которыми недавно изобретенный пулемет мог показаться детской безделицей.

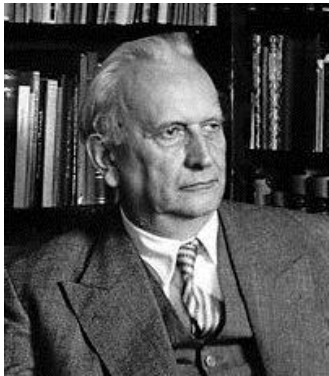
Оторванные конечности и пробитые головы. Распоротые животы и навсегда отравленные газом люди. Солдаты, во сне не чувствующие из-за мертвящей усталости, как их живьем обгрызают окопные крысы. Глубокие обморожения, ведущие к неизменной гангрене. Жёлто-зелёные облака газа, сжигающие легкие. Смерть, приходящая с небес, подобно гневным архангелам Ветхого Завета. Блестящая довоенная жар-птица из книги

Бальмонта, выпущенной в 1907 г., и балета Стравинского, поставленного Фокиным в 1910 г., стала стальной машиной смерти.

В окопах Первой мировой войны оказалось немало литераторов (Э.М.Ремарк, Э.Хемингуэй), композиторов (М.Равель) и художников. Многие из них перенесли этот перепад ошеломляющего контраста (из процветающего быта на поле боя) без серьезных потерь для собственной психики. Увы, далеко не все.

Художники Оскар Кокошка из Австрии, Макс Бекман из Германии и немецкий скульптор Вильгельм Лембрук после войны в течение длительного времени вынуждены были восстанавливать свое физическое и психическое состояние, оказавшись, глубоко травмированными неестественной драмой театра военных действий. Кто-то из них так до конца жизни и не оправился от грубого отпечатка сапога войны и долго отражал в своих работах тот ужас, которым был вынужден столкнуться. Их работы, даже спустя годы после того, как война осталась в прошлом, несли трагедийность человеческого бытия, всё менее зависящего от самого человека.

В психиатрии хрестоматийным стало положение немецкого психиатра и философа **Карла Ясперса** о реактивном состоянии психики, которое должно отвечать трём основным пунктам так называемой триады Ясперса:

1. Реактивное состояние возникает вслед за психотравмирующим моментом.
2. Патологические проявления реактивного состояния затухают с течением времени, и их выраженность тем меньше, чем больший срок прошел с момента стресс-события.
3. Тематика стресс-события звучит в патологических переживаниях и репликах пациента.

Оскар Кокошка, проживший долгую жизнь в 94 года, в течение многих лет изображал тревогу и смятение, формировавшиеся в его drobных мазках, из которых складывалась поверхность полотна, подобная легкой ряби волнующегося водоема. Зеркально гладкая поверхность полотна незамутненной души никогда более уже не встречалась в работах художника.

Его нервно-лихорадочная манера и тёмный приглушённо депрессивный колорит в работах послевоенного периода сохранялись вплоть до 1919 г., когда, став профессором Дрезденской академии, он снова вернулся к яркому и насыщенному цвету.

Период послевоенной реабилитации составил у него 5 лет.

Макс Бекман, бывший на фронте санитаром, увидел слишком много из того, чего человеку видеть не следует в принципе, все эти отрезанные руки и ноги, гниющие в непобедимой гангрене люди, небо, в котором летали не ангелы Господни, но бомбардировщики... Его экзистенциальный покой оказался отравленным навеки. Бекман был демобилизован из армии задолго до окончания войны в связи со своим психическим состоянием. Его дальнейшее творчество преодолевало «вечную и неизбывную богоотставленность», которую он почувствовал в полевом госпитале. «Испытать сильную эмоцию значит придать ей форму, а это уже способ достигнуть искупления».

Психотерапевтический аспект творчества для М.Бекмана очевиден. Но о таком ли искуплении говорит здесь художник? Бекман долго рисовал мир, как гротескную и невеселую человеческую комедию. Только к 1923 г. он сумел отказаться от экспрессионизма как главного способа самовыражения, оставив тревогу в глубинах своего подсознания. **Период послевоенной реабилитации занял около 8 лет.**

М.Бекман
1. Ночь. 1918-
19 гг.

Kunstsammlung Düsseldorf.

2. Семейный портрет. 1920. Музей современного

искусства, Нью-Йорк.

В послевоенный период экспрессионистические и социально-обличительные тенденции у Бекмана возрастают. В своей картине «Ночь» он воздействует на зрителя сценой ужаса. И хотя картина написана на тему реального происшествия—нападения бандитов на семью, она рождает ассоциации широкого социального и исторического плана. Недаром это произведение создано в 1918—1919 годах, когда Германия вступает в совершенно особый период своей истории.

Изломанные деформированные фигуры, существующие в каком-то искаженном пространстве, продолжают доминировать в творчестве Макса Бекмана и в 20–30-е годы. В 1937 году картины Макса Бекмана среди других неугодных немецким национал-социалистам экспонировались на выставке «Дегенеративное искусство», организованной по распоряжению Гитлера. Деформированные фигуры на полотнах художника не отвечали нацистским требованиям к искусству — «чистота, прилежание и умение». «Едва ли существует хоть одна картина большевика от искусства Бекмана, которая не представляла бы из себя подлости» (Немецкое искусство и выродившееся искусство. 1938, Мюнхен). Уволенный с преподавательской работы Бекман эмигрировал в Голландию, а в 1947 г. — в США.

Скульптор Вильгельм Лембрук так и не смог преодолеть тяжести последствий войны. Ему хватило всего 3-х месяцев, проведенных на Западном фронте в качестве военного художника: из-за плохого слуха Лембрука демобилизовали. Доминирующей темой его искусства становится тема смерти, а главным произведением мастера — «Поверженный» (1915–1916). В 1918 г. на выставке свободного Сецессиона в Берлине Лембрук показал свою

последнюю работу, которую он назвал «Мыслитель». Его «поверженный» герой, став «мыслителем» и задумавшись о судьбах мира и человечества, пришел к безграничному отчаянию. Мысль породила безысходность, мыслить отныне для скульптора означало не существовать... Лембрук отравился газом, оставив троих детей (младшему еще не было и 2 лет), через 2 месяца после своего избрания в члены Прусской академии искусств. **Реабилитация, длившаяся в течение 5 лет оказалась безуспешной.**

Золотая жар-птица из сказки Серебряного века улетела навсегда.